

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

XII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть II

Москва 1977

К ПРОБЛЕМЕ "СИСТЕМНОГО" ИЗУЧЕНИЯ СБОРНИКОВ БИЦЗИ

Речь идет о методике исследования той разновидности сборников китайской прозы малых форм, которая именуется бицзи. Общие положения основываются на изучении сборников "Странные истории Ляо Чжая" Пу Сун-лина, "Заметки из хижины Великое в малом" Цзи Юня и "О чем не говорил Конфуций" Юань Мэя. Цель исследования - выявление того общего, что определяется самой природой бицзи, и того особенного, что специфически присуще сборнику индивидуального автора.¹

Сам характер исследуемого материала подсказал единственный, как кажется, возможный подход к этому материалу - рассмотрение сборника бицзи как некоей единой идейно-художественной системы, части которой (отдельные произведения) связаны друг с другом и со всем целым разными способами (повторяющимися темами, сюжетами, мотивами, пространственно-временными координатами, персонажами - характерами и авторским взглядом на мир).

Выделение общего и особенного возможно в том случае, когда сравниваемые объекты (в нашем случае - сборники бицзи) рассматриваются как некие системы, построенные по определенным "законам". Основным конституирующим "законом" для сборников бицзи как некоего "рода" литературы² является принцип повторяемости, реализующийся в двух планах: с одной стороны, именно ему этот род литературы (как и всякий другой ее род, вид или жанр) обязан своим длительным существованием в истории китайской литературы (с У по начало XX в.), с другой (здесь имеется в виду более узкий аспект, касающийся структуры отдельных сборников), повторяемость сюжетов внутри одного сборника является одним из самых характерных признаков бицзи.

К рассмотрению особенностей литературного "рода" представляется правильным подходить с тех же позиций, что и к жанру. По точному определению М.М.Бахтина, жанр - "это память искусства" (2,142). Это значит, что жанр - явление историческое: он сохраняет весь опыт предшествующей литературы, в основе его лежит литературная традиция, передающая последующим поколениям какие-то постоянные, устойчивые (т.е. повторяющиеся) черты и в то же вре-

мя оставляющая свободу для эволюции, для внесения авторами, пишущими в этом жанре, чего-то своего, нового; это новое отражает особенности эпохи и авторской индивидуальности, но оно не нарушает баланса признаков, образующих жанр, а делает произведения этого жанра вариантами некоего инварианта (каковым является сам жанр по отношению к отдельным произведениям).

В другом месте (7) мы подробно останавливались на характеристиках сборников бицзи. Здесь ограничимся упоминанием о том, что авторов бицзи интересовали не только исключительные и необычные случаи, но и факты истории, научные сведения, этнографические наблюдения. Поэтому наряду с сюжетными произведениями они включали в свои сборники свободные по форме наблюдения над жизнью своих современников, впечатления от поездок по стране, научные и публицистические заметки. И сюжетные произведения и заметки тяготели к "факту": какое бы маловероятное событие ни описывалось, сообщалось место и время действия, часто вводился рассказчик или "свидетель" происшествия. П.Хонэн считает одной из характерных черт подобных рассказов то, что они представляются как "подлинное переживание" повествователя или его знакомого. "Интересно, до какой степени утверждение о подлинности переживания обуславливает саму форму произведения. Оно снижает ценность структуры, отдает первенство разьединенным отрывкам информации, имеющим привкус аутентичности" (14, 187). Акад. Я.Прушек считает бицзи записями обо всем, что привлекало внимание писателей, заметками об одном факте, превращавшимися в "архив фактов" (16, 609-610).

Несколько видоизменяясь на протяжении веков, сборники бицзи сохраняли свои основные характеристики: сочетание сюжетных и бессюжетных произведений, использование в одном сборнике разных жанров прозы малых форм³, известную "фактографичность", лаконизм изложения, связанный со сравнительно небольшим объемом произведений, скупость и относительную простоту изобразительных средств, определенную структуру сборников, в которых часто рядом помещались материалы то сходные по жанру или тематике, то резко отличающиеся друг от друга (что создавало эффект неожиданности, нарушало некоторое однообразие, создававшееся повторяемостью тем и сюжетных ситуаций), сочетание фантастики и реальности, определенную дидактическую направленность, иногда выраженную открыто, иногда - имплицитно.

Посмотрим, как эти характеристики бицзи функционируют в сборнике Пу Сун-лина. Сразу оговорим, что этот сборник занимает особое место в системе бицзи, так как в нем есть повести (в других сборниках отсутствующие), язык Пу Сун-лина очень сложен, полон намеков, реминисценций, цитат⁴; в "Странных историях Ляо Чжэя" множество образных выражений, сравнений, метафор и метонимий, тавтофонов и т.п. средств выразительности (нетипичных для других сборников бицзи). Но в "плане содержания" и в самой структуре сборника мы находим, как представляется, веские основания для отнесения его к "роду" бицзи".⁵

В сборнике Пу Сун-лина 12 заметок, множество быличек и сообщений с едва намеченным сюжетным ядром, есть анекдоты, множество новелл, есть большие рассказы, повести, 2 сказки. Но дело не только в сочетании сюжетной и бессюжетной прозы, использовании разных жанров, наличии дидактических и лишенных дидактики произведений, сочетаний фантастики и реальности, главное - тот принцип повторяемости, который прослеживается на уровне идей, тематики, сюжетности, фольклорных мотивов и персонажей.

Взятая отдельно, сама по себе маленькая заметка в 25 иероглифов представляется криптограммой: "Зимней ночью года и-вэй правления под девизом Шунь-чжи (1655 г.) на небе появились иероглифы, красные, как огонь. Они гласили: "Разве период Белой текомы⁶ спокойный? Вернувшаяся к власти династия быстро умиротворит [страну]" (10, т.П, с.926). Рассматриваемая в контексте сборника, пронизанного антиманьчжурским пафосом, она звучит как часть единого идейного целого. Если принять во внимание, что в толковом словаре "Цы юань" выражение "цветение текомы" объясняется с привлечением контекста одной из "Малых од" "Шицзина", в которой идет речь о вторжении сюнну в пределы Китая, то "красную надпись на небе" можно рассматривать как противопоставление беспорядков, вызванных вторжением маньчжур, миру, который принесет стране возвращение на престол национальной династии Мин (а именно под этим лозунгом проходили народные восстания во второй половине ХУП в., свидетелем которых был Пу Сун-лин).⁷ Понятая таким образом, эта заметка становится в один ряд с такими антиманьчжурскими произведениями Пу Сун-лина, как "Разлука во времена смуты", "Бесы-посыльные", "Госпожа Линь", "Женщина из семьи Чжан", "Маленькие гробы", "Дикий пес" и другие новеллы, в которых, по выражению акад. В.М.Алексеева, звучал голос "негодующего патриота" (I, 444).

Основная оппозиция в "Странных историях Ляо Чжая" носит характер не этический, как у Цзи Юя (добрый-злой, хороший-плохой), а социальный (власть имущий-бесправный, богат-бедняк). Целый ряд новелл строится на этой оппозиции, являющейся ведущей темой сборника. Разные сюжетные ситуации, разные повороты сюжета - варианты этой темы, реализуемой каждый раз по-новому, но сохраняющей общие черты. Множество произведений показывает, как алчные чиновники грабят народ, как неправны не только крестьяне, но и бедные ученые, неудачливые претенденты на чиновничью должность, не могущие сдать государственные экзамены потому, что судьбу их решают продажные экзаменаторы - взяточники и тупицы, не желающие и не умеющие распознать подлинный талант. Богачам дозволено все: можно отнять у обедневшего студента возлюбленную ("Помешался на книгах", "Красная Яшма"), жену ("Сян Гао в тигре", "Укрощение Цуй Мэна"), любимую вещь ("Камень с отверстиями"), даже покуситься на магическое умение ("Фокусы даоса Даня"). Всякие попытки разоблачить стоящих у власти негодяев обречены на неудачу, ибо судопроизводство вершат те же чиновники-взяточники. С помощью взятки богат может засадить в тюрьму неудобного ему человека, безнаказанно убить соперника в любви, погубить студента, задевшего влиятельного человека неосторожным словом или насмешливым стишком ("Шан Сань-гуань", "Бесовка Сяо Се").

Власти, покровительствующие казнокрадам ("Единственный чиновник"), поддерживают воров и грабителей. Любой разбойник, нажившийся на грабежах, легко находит общий язык с местными властями, как это происходит в знаменитой новелле "Семьи разбойников" (правитель области так боялся разбойников, что выделил им в отдельные разбойничьи дворы и всегда поддерживал во время их тяжб с честными людьми. Дшло до того, что для того, чтобы выиграть тяжбу, не только лжи, но и лис-оборотень называет себя членом семьи разбойников). В новелле "Некий И" правитель города украшает надпись "Честный гражданин" ворота дома разбогатевшего благодаря удачному грабежу вора. Прочитанные отдельно эти две новеллы могут быть восприняты как анекдотические случаи, рассматриваемые же как часть единого целого, они функционируют в контексте этого целого, и смысл их обогащается цепью ассоциаций с другими рассказами - другими частями корпуса "Странных историй".

Различные произведения Пу Сун-лина являются вариантами нескольких основных тем сборника. Тема обездоленности, выражающая-

ся, как мы показали, в таких сюжетных ситуациях как "бедняк всегда неправ в глазах власть имущих", "бедный ученый не может изменить свой социальный статус" (сдать экзамен и стать чиновником), - инвариант, множество вариантов которого составляют сюжетную основу большого количества новелл и рассказов сборника. В основе же сборника лежит некий "единый смысл" - противопоставление реального мира миру, каким он должен быть в представлении Пу Сун-лина, т.е. конфликт между действительностью и идеалом.

Повторяющиеся сюжеты, группирующиеся вокруг "основных тем", связывают разрозненные в сборнике рассказы "авторской установкой", авторским взглядом на мир. Особенно ярко эта "установка" автора, социальный и политический смысл его сатиры выступает в "Послесловиях рассказчика странных историй", разъясняющих основную идею произведения, делающих обобщенный вывод из конкретного случая, придавая таким образом типический характер единичному явлению. Ряд новелл описывают сходные ситуации, из которых Пу Сун-лин делает сходные выводы, заключенные в подтексте, в Послесловиях же эти выводы даются в концентрированном виде, в форме прямого обращения к читателю автора, который прямо формулирует оценку рассказанного им случая, свое отношение к различным сторонам современной ему действительности. В Послесловиях - та же повторяемость основных идей сборника, которая позволяет говорить о его внутреннем единстве.⁸

Множество рассказов и повестей иллюстрирует еще одно положение: сверхъестественные силы - на стороне бедных, честных, талантливых, несправедливо обиженных людей; чаще же всего они помогают любящим. Среди множества любовных историй только 20 описывают любовь смертных людей друг к другу, остальные же посвящены любви человека и бессмертной феи, лисы-оборотня, духа цветка, души мертвой девушки. Таким образом, и здесь мы видим повторяемость сюжетов, усиливаемую тем, что своих неземных красавиц Пу Сун-лин описывает как реальных людей (и на уровне описания поступков, и на уровне описания внешности и характеристик). Любопытно, что, несмотря на удивительную образность и богатство лексики "Странных историй", описания внешности персонажей не индивидуализированы, а переходят из одного произведения в другое, причем сверхъестественные героини и земные описываются в одних и тех же выражениях.⁹ Обилие сравнений в ряде портре-

тов усиливает это впечатление обобщенности, "формульности", сходства с картиной. К описаниям женской красоты у Пу Сун-лина приложимо наблюдение А.Ф.Троцевич над средневековой корейской повестью: "...видение женской красоты не было индивидуальным, средневековые авторы не создавали свои сравнения, а выбирали их среди заданного набора знаков красоты - символов" (6,177).

Повторяются не только описания внешности персонажей, но и их характеристики. Поскольку в "Странных историях" фигурируют представители нескольких социальных групп, то неудивительно, что по всему сборнику проходят чиновники, богачи, помещики, студенты, крестьяне, торговцы, монахи. Неудивительно и то, что характеризуются они весьма сходным образом, резко делясь на персонажей положительных и отрицательных.

Повторяются и мотивы, черпаемые Пу Сун-лином из общефольклорного фонда ("чудесное рождение", "духи мертвых ищут себе замену", "получение волшебного средства", "брак с существом чудесной природы", "золото или деньги, полученные от сверхъестественного существа, превращаются в мусор" и т.п.).

Думается, что приведенные аргументы и примеры подтверждают мысль о том, что "Странные истории Ляо Чжая" представляют собой единую идейно-художественную систему, части которой взаимосвязаны либо единой темой, либо сюжетными конструкциями, либо персонажами. С этой точки зрения гипотеза А.К.Жолковского и Ю.К.Щеглова (по которой аналогично формуле В.Я.Проппа "все сказки - в синтаксическом выражении - одна сказка", все произведения одного автора - одно произведение в отношении некоторых постоянных тем. Поэтический мир автора - смысловой инвариант его произведений" [3,7]), предложенная ими для любых художественных текстов, как нам представляется, в гораздо большей степени приложима специально к сборникам Сидзи, в которых эти особенности значительно очевиднее и ярче, чем во многих других видах литературы.

Использованная литература

1. В.М.Алексеев, Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая. - Известия АН СССР, Отделение обществен.наук, 1934,

2. М.М.Бахтин, Проблемы поэтики Достоевского, М.,1963.

3. А.К.Жолковский и Ю.К.Щеглов, К описанию смысла связного текста (на примере художественных текстов), М.,1971.

4. З.Г.Минц, Функция реминисценции в поэтике Блока. - Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973.
5. Б.М.Новиков, Социальные утопии тайных обществ "Белый лотос" и "Триада". (Попытка сравнения по материалам периода Цин) - Филология и история стран Зарубежной Азии и Африки. Тезисы юбилейной научной конференции Восточного фак-та ЛГУ, посвященной 50-летию Великого Октября, Л., 1967.
6. А.Ф.Троцевич, Средневековая корейская повесть, М., 1976.
7. Цзи Юнь, Заметки из хижины Великое в малом. Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О.Л.Фимман, М., 1974.
8. Юань Мэй, О чем не говорил Конфуций. Перевод с кит., предисловие, комментарий и приложения О.Л.Фимман (в печати).
9. Ляо Чжай чжи-и, Пекин, 1955, бэнь I-IV.
10. Ляо Чжай чжи-и, Шанхай, 1962, тт. I-III.
11. Ян Хэнь-кай, Изучение рукописи "Странных историй Ляо Чжая" (Ляо Чжай чжи-и ваньгао яньцзю), Шанхай, 1958.
12. Ян Лю, Исследование "Странных историй Ляо Чжая" (Ляо Чжай чжи-и янь-цзю), Нанкин, 1958.
13. W. Eberhard, Die Chinesische Novelle des 17.-19. Jahrhunderts, Verlag Artibus Asiae. Ascona (Schweiz).
14. P. Nolan, The Chinese Short Story. Studies in Dating, Authorship and Composition, Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1973.
15. J. Průšek, Chinese History and Literature, Prague, 1970.
16. J. Průšek, Reality and Art in Chinese Literature, - Archiv Orientalni, 1964, vol. 32, No 4.

¹ Недостаток места вынуждает конкретные примеры приводить только из сборника Пу Сун-лина, тем более, что о двух других сборниках мы уже писали раньше (7; 8).

² Слово "род" употреблено нами не в его прямом терминологическом смысле, а в значении "разновидность", "тип", "вид". Бицзи - не жанр, а наджанровая система (со своей иерархией жанров внутри сборников).

³ Короткого рассказа, новеллы, анекдота, былички, сообщения, изредка - сказки.

4 В этом смысле к нему приложимо положение, выдвинутое и разработанное на русском материале З.Г.Минц, о том, что цитаты в произведении могут быть "знаком общей установки на цитацию, <поликультурного>, опирающегося на широкую традицию художественного языка" (4, 397).

5 О том, что "Странные истории Ляо Чжая" относятся к бицзи писал еще современник Пу Сун-лина Тан Мэн-лай в предисловии к сборнику (1682 г.): "Лясянь из рода Пу с юности был погружен в необычное, а в зрелости глубоко его постиг. Под его кистью рождались дивные слова, которые он записывал для потомков. Весь свой досуг он отдавал тому, что облекал в форму бицзи то, что видел и слышал, и в большинстве это были рассказы о бесах, лисах, чудесах и странных случаях..." (10, т.1, с.5). Этому же мнению придерживаются Ян Жэнь-кай (II, 69) и Ян Лю (12,81), В.Эберхард (13) и Прушек (15,134), а также авторы издательского предисловия к воспроизведению авторской рукописи "Странных историй Ляо Чжая", обнаруженной в 1948 г. (9).

6 Текома - вьющееся крупноцветное растение.

7 Может быть, не случайно приложение эпитета "белый" к текоме, если учесть, что тайное общество, требовавшее реставрации династии Мин, называлось сектой "Белого лотоса", и что эта идея реставрации "имела еще почерпнутый из манихейской доктрины абстрактный религиозно-философский смысл победы «света» над «тьмой»" (5, 83).

8 По-существу, так рассматривал сборник Пу Сун-лина не только его исследователь и переводчик акад. В.М.Алексеев, который выделил в нем серии сюжетов ("Лисьи чары", "Монахи-волшебники", "Рассказы о людях необычайных"), но и сам Пу Сун-лин, писавший: "Я соберу ряд шкурок драгоценных и шубу сделаю из них" (комментируя это место Предисловия Пу Сун-лина к сборнику, В.М.Алексеев пишет: "Образно об эклектическом целом" (1,442, прим.23).

9 "Вышла нарядная девушка ... настоящее небесное создание" - дочь разбойника, "повстречал девушку, похожую на бессмертную фею" - фея Пянь-пянь; "вышла девушка с нависшей челкой, которой было не более 10-11 лет, но красота и изящество манер уже соединились со стройным сложением и привлекательностью" - небожительница, "...вышла певичка. Лет ей было 17-18...Ее восклицания и речи были полны высшего изящества и тонкой привлекательности" - земная девушка и т.п.